

Евгений ДОЛМАТОВИЧ

г. Ярославль

Кристине

Проснулся рано утром оттого, что кто-то громко хлопал дверями в подъезде. Затем раздались голоса, послышалась какая-то возня. Протяжно взвыла сирена на улице. Через пару минут всё стихло. Остался лишь шум дождя.

Я потянулся к будильнику – полчетвёртого утра. Откинулся на подушку, долго и бессмысленно вглядывался в зависшую под потолком темноту. Яркая и густая... Грянул гром. Кошка вздрогнула и, сонно уставившись на меня с кресла в углу, тихо заурчала. Казалось, что этим бархатистым звуком она успокаивает саму себя, а может, чего-то ждёт или же просто наблюдает, удивляется. Мне и миру, например. Интересно, так ли это? Так же мы любопытны кошкам, как они нам? Пока размышлял над этим, она потянулась, спрыгнула на пол и ушла на первый этаж, где захрустела кормом. Потом, наверное, пойдёт любоваться дождём. Может, и я пойду...

– Ты чего? – пробормотала Вика.

Я провёл ладонью по её спутанным волосам.

– Ничего, спи.

– А ты?

– А мне не спится.

Вика отвернулась на другой бок и отчего-то нервно поёжилась. Уже через минуту она спала, слегка подрагивая во сне. Я с надеждой посмотрел на оберег в углу над кроватью. Да, дешёвая китайская подделка – никаких тебе ниток из оленьих жил и ивового, свёрнутого в тугой обруч, прута. Лишь незамысловатая верёвочная паутина, натянутая на пластик, да несколько сомнительных перьев. Древние люди Черепашьего острова верили, что амулет призван беречь покой спящего. И я надеюсь, что он действительно работает – если не для меня, то для Вики, которой вполне хватает кошмаров в реальности, чтобы ещё видеть их во снах. Всем нам хватает. Думаю, вопрос лишь в том, смирились мы с этим или нет.

Значит ли смирение, что ты сдался?

Ярче
тысячи лун

рассказ

Натянув трусы, я спустился на первый этаж. Отыскал пачку сигарет на кухне и, захватив пепельницу и зажигалку, взобрался на подоконник в гостиной. Дождь набирал силу, принося откуда-то из-за горизонта дыхание далёкого океана. Такое вот молодое лето, да. Но мне приятней такое лето, нежели лето, полное солнца и зноя, клубов пыли над раскалённым асфальтом и сухого, словно наждачная бумага, ветра. Задумавшись, я пришел к выводу, что дождь для меня желанней и того мифического волшебного лета, о котором города и села грезят всю зиму и добрую половину весны. Они жаждут именно необычного лета, возвращенного их невинными, не имеющими ничего общего с действительностью, фантазиями... Увы, это лишь робкий отголосок детства, до сих пор будоражащий очерствевшие души тех, кто давно уже перестал быть детьми. Потому мы по-прежнему ждём чего-то, чего — и сами не знаем. Может, перемен? Не верю я, что всё сводится лишь к отпускам и отдыху. Нет, не верю. Ведь тогда... ну, теряется вся прелесть, исчезает магия. И без того унылое лето становится пошлым, обыденным, а впоследствии приносит еще и разочарование. «Я думала, что хотя бы теперь...» — как-то вздохнула Вика. Но что теперь? Всё поменяется? Само собой? Нет, так не бывает. Сёмка вон уже давно это понял, потому и не ждёт ничего.

А можно ли сказать, что, если ты перестал чего-то ждать, ты сдался?..

Я вдохнул пахнувший озоном утренний воздух и отложил сигареты. Шелест капель по земле привнёс спокойствие — лишь на мгновение, но этого оказалось достаточно. Я закрыл глаза, попытался довериться дождю и ветру, зову далёкой грозы, что ушла куда-то за спящие дома и пустующие дороги, за молчаливые реки и окутанные таинственным туманом холмы. Мне хотелось отправиться следом. Хотелось вскочить на ветер, словно на пурпурного дракона, о котором я как-то сочинил пару рассказов, и помчаться над спящим городом, над полями и лесами, над новостройками и покосившимися избушками, над сигналившими друг другу машинами. Прочь от затаившихся по углам теней! Прочь от всей мировой скор-

би! Думая лишь о том, куда меня приведёт гроза. О том, что же находится в той неведомой дали, где живут грозы...

Неприятно кольнуло руку. Открыв глаза, я посмотрел на тощего комара. Как можно осторожней, чтобы не спугнуть голодное насекомое, потянулся за сигаретой, закурил.

В подъезде вновь хлопнула дверь — это вышел тихоня-старик из квартиры дальше по коридору. Молчаливый, подслеповатый, он незаметно для всех доживал оставшийся ему срок, и единственным его занятием было многочасовое блуждание по городским кладбищам. Однажды он сказал, что делает это потому, что на кладбищах всегда тихо, а еще потому, что там покоятся люди его времени. Он умолчал лишь о том, что, помимо всего прочего, разыскивает могилку жены, местоположение которой стёрлось из его памяти после перенесённого инсульта.

Оставшийся совсем один, никому не нужный, в дни, когда не бродит по кладбищам, он сидит в старом кресле-качалке, листая давнишние газеты и слушая Вивальди. Только Сёмка захаживает к нему в гости, и они часами беседуют о том, что было и чего не вернуть. Пару раз Сёмка даже отправлялся на кладбища, тщетно пытаясь отыскать затерянную где-то среди кустов и мёртвых взглядов заветную надгробную плиту. «Ведь если мы найдем её, — рассуждал Сёмка, — представляешь, как он обрадуется!»

Могилу они так и не нашли...

В какой-то момент я отчетливо различил слова старика:

— Всё к тому и шло.

Я отвернулся к окну, понаблюдал за скользящими по стеклу каплями. Сразу за окном рос небольшой кустарник, а дальше высился бетонный забор. Всё, что я мог видеть, так это кустарник, забор и клочок серого неба. Чтобы смотреть на Бога, большего и не требуется.

Пришла кошка и уселась напротив меня, нервно стукнула хвостом. Комар же продолжал насыщаться до тех пор, пока не лопнул.

Вот так утро началось с ещё одной смерти.

* * *

Вика проснулась ближе к одиннадцати. Сладко потянувшись, она заспанными глазами посмотрела на меня.

— Ты ведь практически не спишь, — сказала она. — Как с ума не сходишь?

Я улыбнулся: вот что ей на это ответить?

— Таков уж я.

— Немыслимо!

Она откинула одеяло и, ёжась от холода, начала одеваться. Я скользнул взглядом по её обвислой груди и плоскому со шрамом от кесарева сечения животу. Ребёнка Вика потеряла полтора года назад и с тех пор ни разу не упомянула об этом. Когда я с ней познакомился, она заявила, что это не моего ума дело, а позже соврала, что шрам не что иное, как последствие операции на желудке. Но правду я знаю, хотя... лучше бы не знал. С Викторией я об этом никогда не заговаривал и, наверное, никогда не заговорю — людям не очень нравится, когда кто-то суёт нос в то, что они полагают глубоко личным.

А ещё я знаю, что придёт время — если оно действительно когда-нибудь придёт, — и Вика сама расскажет мне, как погиб её сынишка.

— Мне надо уходить, — вздохнула Вика.

— Ага, — кивнул я. — Чайник сейчас закипит. Кофе выпьем?

— А вина не осталось?

— Не-а.

— Ладно, — рассеянно улыбнулась Вика, пытаюсь застегнуть бюстгальтер. — Кофе так кофе.

Я прошел на кухню и снял с огня свистящий чайник. Прислушавшись к затихающему за окном дождю, заварил кофе. По квартире поплыл душистый аромат, и мне подумалось, что, если закрыть глаза и чуть-чуть сосредоточиться, можно вообразить, словно сидишь в кафе где-нибудь в Венеции. Сидишь и любишься рассветом, улыбаешься новому дню, который в ответ улыбается тебе.

— Ты есть хочешь?

— А что у тебя? — отозвалась Вика со второго этажа.

— Хлеб и колбаса.

— Не густо.

— Мне вполне хватает, — пожал я плечами.

Через минуту Вика спустилась в кухню, уселась за стол и тут же потянулась за сигаретами. Современный завтрак падшего ангела. Разве нет? Чиркнула зажигалкой, затянулась. На её осунувшемся лице скользнуло отвращение, потом вновь проступила усталость. То была многовековая усталость человека, лишённого права выбора: Вика просто не знала, что делать дальше, — не знала, стоит ли вообще что-то делать. Да, она смирилась и, наверное, давно уже сдалась.

Я поставил перед ней кружку, сам сел напротив.

— Что насчёт вечера?

Она посмотрела на меня большими и совершенно бесцветными, словно бы забранными осенним туманом, глазами.

— Скажи, Жень... — Вика осторожно глотнула горячий кофе, после чего отодвинула кружку. — Что с тобой не так? Ведь ты ж вроде нормальный парень! Не дурак и не урод. Не сидишь ни на чём, как твой дружок...

— Ну и?

— Почему ты так живёшь? Зачем тебе такие, как я? Заведи себе девушку, устройся на работу, расти детишек...

На последнем слове она осеклась, отвернулась. Я вздохнул. В полумраке между нами повисло марево сигаретного дыма и неловкое молчание.

Подобные вопросы мне задавали уже не раз, но я не думаю, что это связано с желанием как-то унижить меня, ткнуть в бесполезность моего существования. Скорее всего, дело в человеческой природе, суть которой сводится к извечному поиску. Вот мы и ищем некий великий смысл бытия, стараемся обрести его, пощупать или попробовать на вкус. Как будто смысл — это метафизический пирожок с сосиской либо же хрустящий круасан, чашка душистого чая или сигарета. Но, даже обретя его, мы все равно недовольны. Мы хотим убедиться, что наш смысл есть единственно верный смысл жизни и нам недостаточно того, что он вполне устраивает нас самих. Мы стремимся открыть парадигму, взглянуть в лицо Бога.

Такова маленькая истина, на которую я случайно наткнулся, общаясь с остальными представителями своего вида. Вида, который откровенно плюет на вселенское многообразие и зачем-то стремится всё проанализировать, рассортировать по полкам, предварительно составив опись в трёх экземплярах. Вида, который отчего-то так рвётся к единству. Быть может, боится бесконечности? Или же... нет, все куда банальней! — попросту боится выбора? Поэтому мы и обращаем друг к другу бесчисленные «зачем» и «почему». Так мы не только пытаемся постичь цели и стремления другого человека, увидеть его смысл и сравнить со своим, но и желаем украдкой взглянуть на результат предоставленного нам выбора. Мы — невезучие жулики судьбы. И если наши представления о великом смысле совпадают с представлениями кого-то еще, мы называем это «единомышленники». Когда единомышленников много, вера в абсолютность обретенного смысла растёт в геометрической прогрессии. Так появляются всевозможные движения, партии, секты и прочее в том же духе. А тех, кто не разделяет убеждений большинства, считают еретиками, отступниками, ренегатами, юродивыми и т.д. Большинство всегда право, вне зависимости от того, право оно на самом деле или же заблуждается. Вряд ли это можно исправить. Да и нужно ли? Остаётся только принят как должное и жить дальше.

— Там дождь идёт, — сказал я.

Вика умело скрыла стыд и с благодарностью посмотрела на меня. Вопросы, что она мне задавала, нередко задавали и ей. Все эти «зачем» и «почему»... Зачем ты делаешь так? Почему не делаешь, как правильно? И вот что она могла ответить на это? А что я мог?

Потому что!

— Знаю.

— Дать зонтик?

— Нет, не надо. Так дойду.

Она размазала окурочек по днющу пепельницы, взяла кружку с кофе и сделала ещё пару глотков.

— Так что насчёт вечера?

— По идее, у меня отгул, — сказала Вика. — Позвони, там видно будет.

— Хорошо. По возможности куплю вина.

Она ничего не ответила. Поднялась и кончиком указательного пальца легонько коснулась моего носа. Когда я был маленьким, мама делала так же, а я всегда смеялся в ответ. Не знаю... Отчего-то меня это очень смешило...

Вновь поблекшие воспоминания словно бы и не из моей жизни. Как если бы усталый я сидел в кинотеатре, то и дело проваливаясь в сон, выныривая из него, глядя на экран, где разворачивались некие непонятные мне события, и засыпая вновь.

— Странный ты.

— Нет, обычный.

Вика улыбнулась и прошла в коридор, натянула босоножки и с раздражением посмотрела в сторону окна, за которым все ещё моросило. Мы вышли в подъезд, и у дальней стены я увидел Сёмку. Вика не обратила на него никакого внимания.

— Ну, пока, — сказала она.

— Пока.

Она шагнула на улицу и исчезла в пелене дождя, столь же бесцветного, как и её измененные жизнью глаза.

— Стрёмная она какая-то, — пробормотал Сёмка. Забавно, но и его голос показался мне бесцветным.

Хотя нет, не забавно.

— Хорошая, — сказал я, прислонившись к холодной стене и поглядывая на своего единственного друга. — Она понимает.

— Да чего она там понимает? Как правильно брать в рот?

— Отвали.

Сёмка шмыгнул носом, почесал бритую и всю в ссадинах голову.

— Ломает? — спросил я.

— Да не-е, нормалёк, — отозвался он. — Привычка просто. Я недавно заправился, пока ещё держит.

— Понятно.

Какое-то время мы молчали, разглядывая густо измалёванные граффити подъездные стены.

— Жека, — позвал меня Сёмка, — поговорить бы надо.

— Говори.

Но он медлил, уставившись на носки своих заляпанных грязью кед и о чём-то усиленно раздумывая.

– Денежку, что ль, подкинуть?

– Да не...

Я был искренне удивлен. Неужто это и правда тот самый Сёмка, который регулярно порывался что-нибудь стянуть, а однажды даже попытался утащить у меня фотоаппарат, после чего долго и слёзно извинялся? С тех пор, если он приходил ко мне в гости — а последнее время такое случалось крайне редко, — я обязательно проверял его карманы на выходе. Процедура, унижительная для нас обоих, но иначе было нельзя. Сёмка говорил, что это не он ворует, а «дрянь внутри» заставляет его хватать всё, что плохо лежит. Я верил ему — мы вместе росли, но избавиться от этой дряни, увы, было никак. Пару раз Сёмка ложился в клинику, но абстинентный синдром неизменно гнал его обратно на улицы — на поиски новой дозы. И поиск этот невольно стал единственным смыслом его существования.

– Не горит мне, — прервал мои мысли Сёмка.

– Может, покурить?

Он ничего не ответил, и тогда я пошёл обратно в квартиру, взял со стола пачку. Мельком глянул на остывающий в кружке кофе: Вика никогда его не допивала. На самом деле она терпеть не могла кофе, но ей нравилось, что я готовлю его для неё. Ей нравилось, что я проявляю по отношению к ней хоть какую-то заботу.

Заиграл мобильник.

– Слушаю.

– Женька? — звонил Сашка. — Сильно занят?

– Да не особо.

– Пятёрочку срубить хочешь?

Я весь напрягся, вздрогнул, когда где-то высоко надо мной пронёсся мощный раскат грома. Не иначе как сам Господь погрозил мне пальцем.

С удвоенной силой зашелестел дождь.

– Что требуется?

– Э-эм... — он замаялся. По одному этому я уже понял, какого рода услуга ему необходима. — Твой особый талант нужен.

– Нет, Сань, извини.

Я сбросил вызов.

Когда вышел в подъезд, Сёмки там уже не было. Наверное, вновь отправился бесцельно шататься по пронизанным дождём улицам в поисках чего-то, что все мы ищем на дорогах своих судеб. Среди покосившихся довоенных двухэтажек, где затаилась сама старость, и новомодных, блестящих в холодном утреннем свете высоток, внутри которых тянется нескончаемый караван амбиций и разочарования... Среди сотен тысяч людей, улыбающихся и распевających песни либо рыдающих и жажущих куда-то сбежать — не важно куда, лишь бы подальше от самих себя...

Эх, Сёмка, Сёмка... Мой единственный и верный друг, неустрашимый исследователь, герой, для которого в этом мире просто не нашлось дела; путешественник, заблудившийся где-то на окраинах собственной души... И как так случилось, что вместо блестящего, полного захватывающих приключений будущего, о каком ты мечтал с раннего детства, твоя дорога привела тебя в грязный подъезд занюханной коммуналки, к покрытым сажей ложкам, одноразовым шприцам и серому порошку, без которого ты теперь не можешь обойтись? Как так вышло? Где ты оступился? Где повернул не в ту сторону, отказавшись от ярких красок жизни, от загадочного Востока, куда так рвался, и суетного Запада, над которым любил посмеиваться, и очутившись здесь, рядом со всеми нами?..

* * *

Сашка позвонил ещё раз.

Я знал, что так оно и будет; знал, что от него легко не отделаешься. Сашка — коммерсант по натуре. Он не особо верит, что я действительно что-то умею, но если за это готовы платить, он всегда оказывается тут как тут. В этом и заключается основная проблема, потому что я толком-то ничего и не умею. Это не какой-то там профессиональный навык, скорее, незначительный, данный мне с рождения талант, что ли. И я открещиваюсь от этого как могу, но...

— Да выслушай ты меня! — прокричал Сашка.

— Я никуда не поеду, — сказал я, невидяще уставившись в монитор. — Помнишь, что в прошлый раз было? Ведь еле ноги унесли! Мне такое нафиг не нужно, Сань. Забей ты на эти пять кусков.

— От тебя требуется только приехать.

— Разве?

— Да. Они заплатят, даже если ты просто посмотришь.

Я вздохнул: с деньгами у меня было туго.

— С каких это пор платят за присутствие?

— С тех самых, как теряют всякую надежду, — ответил Сашка, и мне показалось, что в этот момент он был очень доволен собой: все ж как по-философски оно прозвучало. — Ну что?

— Там дождь. Западло мне куда-то тащиться.

— Не беда, я заеду.

И прежде чем я успел что-либо сказать, он отключился. Минут через двадцать примчится к подъезду на своей потрёпанной чёрного цвета «десятке» и начнет яростно сигналить. Сигналит он не столько для меня, сколько желая позлить полоумную старуху из первой квартиры.

И зачем ему все это? Я не о старухе, а о деле, на которое он меня ташил. Разве пять штук большие деньги? Хотя для человека с мышлением моего двоюродного брата любая сумма, если она получена за пару минут ничегонеделания, уже хорошие деньги. Но это же он ничего не делает, оставаясь всего лишь посредником. Отдуваться всегда приходится мне...

А ведь я помню, как в детстве, когда Сашка приезжал погостить к нам в деревню, первым делом он неизменно шёл в дальний угол покосившегося от старости забора. Там он говорил «привет», после чего замолкал минут на двадцать, не выходя из угла и не поворачиваясь к нам. Сашка утверждал, что в том месте, в заборе живёт какой-то очень грустный мальчик. А ещё Сашка рассказывал, что тот мальчик знает уйму интересных историй и жутких тайн. Подробностей этих тайн я от Сашки так и не добился; мальчика в заборе тоже не видел, сколько ни вглядывался в высохшие доски.

А теперь Сашка вырос. Он отказался от сво-

его умения видеть изнанку мира, избрав иную судьбу. И порой мне кажется, что он поступил правильно, а я вот сплеховал.

Я посмотрел на притихшую у дальней стены кошку:

— А ты как считаешь?

Она ничего не ответила, продолжая разглядывать меня глазами цвета молодого янтаря. Я же откинулся на спинку кресла и подумал о предстоящем вечере, о Вике и о нашей с ней близости, больше напоминавшей спасение от остального мира, нежели удовлетворение плотских желаний. Мы крепко прижимаемся друг к другу, сливаясь воедино, и так защищаемся от всего, что снаружи: от прошлого, от будущего, от настоящего... Я знаю, что это не просто моя выдумка: Вика тоже испытывает нечто подобное, пусть никогда не говорит об этом вслух. Она вообще немногословна, как и большинство проституток, с которыми мне доводилось иметь дело. Эти девушки приходят и уходят. Воздух в квартире наполняется запахом пота и дымом выкуранных сигарет. В тишине звучат односложные фразы и фальшивые имена. И за каждой из этих девушек неотступно следует тень — что-то давнишнее, упрятанное глубоко в сердце, о чём они, быть может, никогда и никому не расскажут. Но я вижу это, и оттого мне становится стыдно: я чувствую себя отвратительным вуайеристом, подглядывающим в замочную скважину за людской болью и падением.

С Вики я переключился на мысли о бутылке вина. Напиться хотелось уже прямо сейчас, только вот в холодильнике, кроме затвердевшего отгрызка копчёной колбасы, ничего больше не имелось. В карманах позвякивала кой-какая мелочишка, но этого дай бог если хватит на пузырьёк гаденькой настойки, а заменивать крупные купюры особого желания не было. Иначе к вечеру уже буду в стельку пьян. Зря не попросил Сашку захватить пару бутылок пива...

Махнув на это рукой, я спустился на первый этаж и вышел в коридор. Туалет у нас общий на весь подъезд, и потому в кабинке всё время пахнет дерьмом, жужжат мухи, а по углам в густом слое многолетней паутины из года в год

висят мертвые мошки, охраняемые длиннолапыми пауками. Слив, как всегда, не работал: Степан, местный алкоголик, время от времени порывается починить механизм бачка, но делает только хуже. За это его все ругают, и угрюмый Степан, громко хлопнув дверью, уходит к себе в квартиру. А там, спрятавшись от упрекающих взглядов, он беззвучно рыдает. Потом пьёт. Потом громко ругается. Степану хочется быть хоть где-то полезным, нужным, а вместо этого все открещиваются от него как от прокажённого. Все, кроме Сёмки, прекрасно ладящего с людьми...

Вернувшись, в ожидании брата я засел за компьютер и на одном сайте наткнулся на следующую новость:

«Американский писатель-фантаст Рэй Дуглас Брэдбери умер утром шестого августа в своем доме в Лос-Анджелесе в возрасте 91-го года. Его считали мэтром фантастики и основоположником многих традиций жанра. Произведениями Брэдбери зачитывалось не одно поколение молодежи во многих странах мира. Верх мастерства писатель достиг в короткой прозе, создав за свою жизнь более 400 рассказов. Наиболее известные из его произведений: «451 по Фаренгейту», «Марсианские хроники», «Вино из одуванчиков», «Смерть — дело одинокое» и т.д. О своей смерти Рэй Брэдбери говорил так: «А что до моего могильного камня? Я хотел бы занять старый фонарный столб на случай, если вы ночью забредёте к моей могиле поприветствовать меня. А фонарь будет гореть, поворачиваться и сплетать одни тайны с другими, сплетать вечно. И если вы придёте в гости, оставьте яблоко для привидений».

Вот и всё. Жалкая, написанная холодным языком равнодушного журналиста заметка...

Я отключил компьютер и с грустью посмотрел на полки с книгами, где среди прочего хранилось и собрание сочинений Брэдбери. Когда-то в детстве мы с Сёмкой зачитывались его рассказами и романами — Сёмка боготворил Брэдбери, говорил, что это тот человек, которому известна истинная красота. И позже, возомнив себя писателем, я даже пытался равняться на Брэдбери, старался писать, как он.

Конечно же, у меня ничего не вышло. Но вновь и вновь перечитывая его произведения, я вдохновлялся его видением мира, верил, что сумею постичь эту магию, это обыкновенное житейское волшебство, отчего-то так нами пренебрегаемое.

А потом что-то пошло наперекосяк: Сёмка отказался от лета и приключений, отдав себя ночным улицам и сырým подвалам; я же отложил книги, забросил свои незамысловатые рассказы и обрёл утешение на дне стакана. Мы с Сёмкой перестали читать, потому что выбились из сил, пытаюсь отыскать то чудо, о котором говорил Брэдбери; поняли, что слепы, что никогда не обретём это чудо, сколько бы ни старались. Думаю, тогда мы действительно сдались.

А теперь вот величайший писатель XX века умер. Он ушёл по переливающейся серебром лунной дорожке. Ушёл куда-то навстречу звёздам, оставив суетному человечеству напоминание о чудесах лета и детства, запрятанное на страницах его книг. Может быть, Брэдбери отправился на Марс, где его ждали мудрые марсиане и где не было механизированных городов потребления. Отправился следом за своим кумиром — Эдгаром По, чей мистицизм он однажды укрыл на Марсе от бездушных «пожарников». А может, и ещё дальше — туда, куда на протяжении всей земной жизни стремилась его бессмертная душа.

«Сегодня не стало Волшебника, — подумал я. — Но умер ли он? Нет!»

Быть может, когда-нибудь, если мне все же удастся вырваться отсюда, я принесу яблоко его привидениям. Надеюсь, мой талант послужит мне в ту пору, и тогда я задам так интересующие меня вопросы. Или же нет! Зачем спрашивать, когда можно просто наслаждаться молчанием, наслаждаться обществом друг друга...

Я надеюсь.

* * *

Сашка завёз меня куда-то на задворки Брагино, где мы долго петляли по закрученным в непроходимый лабиринт дворам, пока не остановились у старенькой пятиэтажки.

— Ну вот, приехали, — сказал Сашка, искоса поглядывая на меня.

— Сам-то идёшь?

— А как же! Я ж твой менеджер!

Шутка не показалась мне забавной.

К этому времени дождь зарядил вовсю, а в вышине над нами нескончаемой свинцовой патокой тянулись густые тучи; то и дело громыхало. Мне же хотелось напиться, хотелось обнять Вику и под довольное урчание кошки провалиться в глубокий сон без сновидений. Но вместо этого я открыл дверь машины и выбрался в сырость.

— Ничего себе лето, а? — хмыкнул Сашка, пикнув сигнализацией.

— Сгодится.

Остановившись у подъезда, я поёжился и закурил. Тщетно пытался собраться с духом.

— Что там у них?

— Не знаю, — пожал плечами Сашка. — С бабкой чего-то не то. Они уже и экстрасенсов всяких вызывали, шаманов, священников, прочее отребье. Никакого результата.

— Ктулху, надеюсь, не вызывали?

— Кого?

— Забей, — отмахнулся я. — А про меня как узнали?

— Я посоветовал, — признался Сашка.

— Ну спасибо, дружище.

— Обращайся! — он дружески хлопнул меня по спине.

Мы поднялись на третий этаж и остановились у мощной стальной двери, от одного вида которой в голову лезли мысли о средневековых темницах, где позабытые узники сгнивали заживо. Сашка ткнул кнопку звонка, после чего практически сразу послышались шаги: очевидно, нас ждали.

Всё то время, пока брат полушёпотом решал какие-то вопросы с толстой в грязно-розовом халате хозяйкой, я стоял в сторонке, осматриваясь и принохиваясь. Типичная хрущёвка. Унылая кирпичная коробка, внутри её — убогий интерьер с робкими попытками создать некую видимость уюта. Тут тебе и развешенные на стенах слегка покосившиеся репродукции Шишкина и Репина, и весь в дырах палас на полу, и пахнущие пылью и усталостью

пальто и куртки на вешалках, и несколько пар разношенных тапок. Зато с кухни сочно тянуло борщом, и от этого у меня заурчало в желудке: я очень давно не ел нормальной пищи.

— Проходите, — обратилась ко мне хозяйка.

На вид ей было слегка за сорок, сама же плечистая, с мощными огрубевшими руками деревенской бабы. А на подбородке у нее чёрным пятном торчала родинка с тремя длинными волосками, взглядом я постоянно за неё цеплялся, из-за чего хозяйка явно смущалась. Глаза же её показались мне бесцветными — как у Вики и Сёмки.

Хозяйка смотрела на меня с сомнением, без какой-либо веры в помощь с моей стороны. Где-то в одной из комнат бормотал телевизор. Наверное, там, развалившись в продавленном кресле, сидел её облысевший муж. К таким, как я, он не испытывал ни малейшего уважения, считая нас проходимцами или ещё чем-то этаким, потому даже не вышел поздороваться. И это было хорошо. Я устал от людей и от их взглядов, ведь стоит этим людям узнать, чем я занимаюсь, как они тут же становятся враждебными, смотрят свысока, и, что бы я ни сделал, на понимание можно не рассчитывать. Нынешняя семья относилась к той же категории. Сашка оказался прав, говоря, что они потеряли надежду. Но за пустотой в глазах хозяйки таилось что-то ещё. Мне показалось, раскаяние.

— Мама в своей комнате, — сказала она. — Не выходит оттуда уже больше месяца, постоянно что-то бормочет, вслух читает стихи, кричит...

Мы с Сашкой переглянулись.

— А почему вы думаете, что это именно... — я осёкся, ведь меня так никто и не предупредил, чего конкретно ждать.

— Одержимость? — спросила хозяйка. — Вы к ней зайдите, сами всё поймете.

— Ясно. Сань, можно тебя на минутку?

Мы отошли в сторонку, где я шёпотом объяснил брату, что всякие там одержимости — а чаще всего это обыкновенная деменция — не по моей части, на что он лишь развёл руками, мол, попробуй, раз уж приехали. Мне не оставалось ничего другого, как согласиться.

И вот хозяйка провела меня в дальнюю ком-

нату, где в окружении пыли, громоздкой мебели и бьющего в нос запаха старости, в тусклом свете пасмурного дня с книгой на коленях сидела махонькая старушка.

— Здравствуйте, — сказал я, рассматривая старушку.

— Здравствуйте, — ответила та, отрываясь от книги и глядя на меня подёрнутыми дымкой воспоминаний глазами. — Вы кто?

Я понял, что она не столько читала, сколько грезила, и книга служила своеобразным проводником между ней и прошлым. Тем самым прошлым, казавшимся ей куда более живым, нежели то настоящее, что окружало её теперь. Только так она и спасалась от опостылевшей реальности, от скверно завершающейся жизни и от семьи, принёсшей одно лишь разочарование.

— Меня зовут Женя, — представился я. — Могу я с вами поговорить?

— Поговорить? О чём? — она на секунду задумалась, после чего ласково улыбнулась: — Но что это я! Конечно же, проходите. Ко мне редко кто приходит.

Выглядела она вполне нормальной, а потому я вопросительно уставился на хозяйку. Та правильно расценила мой взгляд и кивнула, дескать, сейчас увидите. Она шагнула вперёд и тихо позвала:

— Мама?

Старушка вздрогнула. Внезапно её глаза потемнели, в них появилось какое-то злобное, даже бешеное выражение; она вся скукожилась и, исподлобья глянув на дочь, зашипела:

— А-а-а, сучка пожаловала, да? Чего тебе, крыса ты этакая? Опять пришла меня травить? Опять будешь мне в уши песок безумия сыпать? Знай же, что раскусила я тебя, мерзкий демон! Насквозь тебя, гадину, вижу! Так что пошла прочь! Прочь, дьявольское отродье! Жива я ещё, слышишь? Жива!

Старушка сорвалась на пронзительный визг.

— Видите? — всхлипнула хозяйка. — И так постоянно.

Старушка размахнулась и швырнула в дочь книгу, после чего каркающим голосом начала распевать:

*Do not stand at my grave and weep;
I am not there. I do not sleep.
I am a thousand winds that blow.
I am the diamonds glints on snow.
I am the sunlight on ripened grain.
I am the gentle autumn rain...*

Я вновь посмотрел на хозяйку.

— Это Мэри Элизабет Фрай, — пояснила та, подбирая с пола растрёпанную книгу. — Любимое стихотворение мамы.

— Понятно.

— В своё время она преподавала литературу в ЯГПУ, ушла на пенсию и... — хозяйка умолкла, с опаской косясь на скорчившуюся в припадке мать.

Та продолжала петь, хотя уже и не так громко:

*...Do not stand at my grave and cry;
I am not there! I did not die!*

— Вы нам поможете? — спросила хозяйка.

— Вряд ли, — признался я. — Оставьте нас на пару минут, хорошо?

— Да, конечно.

Когда дверь за ней закрылась, я повернулся к старушке. Во мраке комнаты та напоминала беспокойный призрак, явившийся в этот мир, чтоб донести свою скорбную весть. Её глаза впали, и в них сгустилась темнота; её рот раскрылся в беззвучном крике, обнажив тонкие подгнивающие зубы; её длинные с артритными уплотнениями пальцы впились в остро торчащие колени. Так она и сидела передо мной, неподвижно и беззвучно, словно мистическая фигура на полотне впавшего в депрессию художника.

Я прошёлся по комнате, скользнув взглядом по корешкам книг на полках, по лицам на черно-белых фотографиях, по слою пыли на столе, после чего встал у окна и выглянул в залитый дождём двор.

— Рано или поздно это случится, — сказал я, не оборачиваясь. — Вы ведь знаете?

За спиной послышалось какое-то шуршание, щёлкнули старческие суставы, скрипнул стул.

— Знаю, — отозвалась старушка. — Конечно, знаю.

— Всё дело в них, да? — спросил я, рассматривая проржавевшие карусели, скамейки и ряби на лужах. — В семье?

— Да. Они... Они ждут не дождутся, когда я уже... — она запнулась, после чего проскрежетала: — Издохну. Эти неблагодарные... эти выродки! Они делят мою квартиру, как свою собственную. Они забирают мою пенсию. Сами же ничего не имеют! Сыплют мне песок в уши и глаза, чтоб я с ума сходила! Жажнут моей смерти... Кругом сплошное ожидание — молчаливое, гнетущее... А потом они бросят меня в дешёвенький гроб и закопают в землю! И ведь никто из них не навестит меня. Никогда! Они не придут на могилку, чтоб положить яблоко или корочку хлеба, чтоб сказать доброе словцо... Даже слезы на похоронах — я знаю это! — будут фальшивыми, если вообще будут. Do not stand at my grave and cry! Но кто будет плакать? Никто! И даже мой внук смотрит на меня как на обузу... как на ископаемую древность... как на жалкую сбрендившую старуху! Разве это справедливо? Разве к такому мы все идём? Я жила, да... Я ошибалась, но делала что-то. Верила...

Я закрыл глаза.

— ...В Бога. Верила в его справедливость, в то, что каждому по делам их, — продолжала скрежетать старушка. — Но... что со мной? Где я теперь? Я состарилась. Я разлагаюсь. Моя душа гниёт. Знаете, Женя, не так страшна смерть, как её ожидание. Так вот они ждут. И я жду. А ведь я устала ждать... Устала, чёрт бы их всех побрал!

— Понимаю, — шёпотом сказал я.

— Понимаете?

Я обернулся и посмотрел на неё.

— Вы думаете, что у вас всё отняли, но это не так. Ничего не отняли. Ничего! У вас по-прежнему есть ваша жизнь, если не сейчас — не в настоящем, то в прошлом. Ведь туда вы отправляетесь, когда... — я кивнул на полку с книгами, — когда читаете? Верно?

— Да-а, — тихо ответила старушка. — А больше и некуда...

Я подошёл к ней, присел рядом.

— Недолго осталось, поверьте, — сказал я. — Потерпите ещё чуть-чуть, скоро вы уйдёте туда насовсем.

— Мне... — она отвернулась, вздохнула. — Мне страшно.

— Всем страшно. — Меня всегда раздражала напыщенность и банальность этой фразы, но ничего другого я сказать не мог. Просто не знал, что говорить. — Знаете, сегодня умер удивительный человек. Рэй Брэдбери. И я не думаю, что он просто исчез, нет. Он отправился туда, где чувствовал себя лучше всего. В свой мир, где бы тот ни находился. И у каждого из нас есть такой мир. У вас он тоже есть. Совсем скоро вам уже не придется возвращаться сюда. Просто надо чуть-чуть подождать.

— Подождать? — она опустила голову, и на шерстяную ткань её юбки упало несколько слез. — Ждать, ждать... О чем я и говорю — ожидание куда страшнее!

Растерявшись, я глянул на распятие у изголовья кровати.

— Может, это... тоже своего рода испытание?

Она ничего не ответила. Я же ещё какое-то время постоял рядом, наблюдая за ней, слушая её всхлипывания и шёпот дождя за окном.

В комнате сгушались сумерки.

— Прощайте, — наконец сказал я.

— Прощайте, Женя...

В коридоре я столкнулся с взволнованной хозяйкой.

— Ну как?

— Простите, — всеми силами я старался не смотреть на родинку у нее на лице, — думаю, ничего не вышло.

— А что с ней такое?

— Она... — я замялся.

— Что-то серьезное? Демон? Злой дух?

— Нет, — покачал я головой. — Дело в другом. Это никакая не одержимость и даже не сумасшествие. Вашей маме попросту страшно, потому что она чувствует, что ей недолго осталось. Так что уделяйте ей побольше внимания — поговорите, поухаживайте...

— Ну, знаете! — возмутилась хозяйка. — Я отдаю ей практически всё свое время! Уже из сил выбилась! Да и вообще, кто вам сказал, что мы не уделяем ей внимания? Она сказала? И вы послушали одержимую?..

— Пыль, — ответил я.

— Что?

— Пыль на столе.

Глаза хозяйки перестали быть бесцветными, налились огнём.

— Убирайся, — прошипела она. — Вон из моего дома!

В тот момент хозяйка очень напоминала свою мать, парой минут ранее кричавшую нечто подобное.

— Извините, — бросил я и прошёл в коридор. Вслед мне неслись ругательства.

* * *

— Держи, — Сашка протянул мне две измятых бумажки. — Тут полторы штуки за вычетом моих процентов. Большого стрясти не удалось. Ух и разозлилась же она!

Я посмотрел на деньги. Мне очень не хотелось их брать — я действительно считал это неправильным, — но все же взял купюры и спрятал в карман. Отвернувшись, уставился на мелькавшую за окном панораму озябшего города, думая о том, куда же подевались робкие нежные подснежники и гудящие, словно вертолёт, майские жуки...

Кругом лишь бетон да асфальт.

— Чего хоть там было-то? — поинтересовался Сашка, выкручивая «баранку» и сигналивая какому-то зазевавшемуся на светофоре водителю.

— В том-то и дело, что ничего.

— Хм... ложный вызов? Неплохо. Хоть сколько-то бабла срубили.

— Остановись здесь, пожалуйста, — попросил я, когда мы въехали в мой район.

Сашка растерянно глянул на меня.

— Так давай до подъезда докину, чего уж? Вымокнешь ведь!

— Не-е, Сань, тормози. Пройтись хочу...

— Как скажешь.

Я выбрался из машины, пожал брату руку и, не оборачиваясь, побрёл прочь. Дорога оказалась практически пустынной, дождь же вновь разошёлся, и уже через пару минут я был насквозь сырой. Дрожа от холода, шагал в сторону дома, слушая, как чавкают мои мокрые ботинки, и глядя куда-то перед собой. Мыслями я

был у себя на кухне, в компании бутылки и сигарет. А позже придёт Вика...

— Жека, погодь!

Обернувшись, увидел бегущего ко мне Сёмку.

— Сёмыч? А ты чего, тоже гуляешь?

— Ну так, — он рассеянно улыбнулся. — Погодка чудная, да?

Сёмка, как и я, любил дождь — это была одна из связующих нитей нашей дружбы.

— Ага.

Прокашлявшись, он вдруг произнёс:

— Помнишь, как однажды в деревне — давным-давно ещё?.. Стоим мы, значит, на вершине холма и глядим на поля, а прямо от горизонта на нас стеной идёт ливень. Ну что, вспомнил?

Я улыбнулся, мысленно скользнув в то замечательное время, когда всё было иначе. Мы тогда ещё не свернули в неверном направлении, не сдались, но уверенно смотрели в будущее, чего-то ждали, во что-то верили. Например, в волшебство лета, в манящее очарование грядущей взрослой жизни и в силу нашей дружбы...

Я вспомнил день, о котором говорил Сёмка. Ливень тогда двигался так стремительно, что мы, десятилетние пацаны, даже не успели спуститься с холма, как полностью вымокли. Попрыгали на велосипеды и в бешеном ритме заработали ногами. Мчались, как будто бы удирая от некоего злобного чудовища, от самой смерти; мчались наперегонки друг с другом и с грозой, а от наших тел струился пар. Мы смеялись и смеялись, что-то выкрикивали навстречу ветру, громко ругались, чувствуя себя совсем взрослыми, и были счастливы. Мы — два деревенских мальчугана, искренне веривших, что при желании на велосипедах можно обогнать самое время и очутиться в таинственном и полном чудес завтра.

Но вот завтра наступило, и где мы очутились?

— Классно тогда было, — вздохнул я.

— Классно, — согласился Сёмка. — А как потом на озеро купаться сорвались, помнишь? Вода тёплая-тёплая...

— И над поверхностью клубился густой туман...

— Ага, — кивнул он. — А мы черпали со дна грязь и обкидывались ею. Грязь тоже была тёплой...

— И потом долго не хотели вылезать, потому что вся одежда осталась на берегу и промокла. Знали, что там холодно...

Я замолчал и внимательно посмотрел на Сёмку — только теперь понял, что на самом деле происходит.

— Об этом ты хотел поговорить? — тихо спросил я, почувствовав, как пронзительно кольнуло сердце.

— Да, — тяжело вздохнул Сёмка и опустил голову.

— Но... — я протянул к нему руку, опустил её и протянул вновь. — Как же так?

— Жека, ведь всё к тому и шло, — пожав плечами, произнёс он. — Разве могло быть иначе? Всё уже заранее решено и где-то записано. Есть выбор, есть последствия. Это как блуждать по паутине, понимаешь? Когда я впервые пустил по вене, всё стало ясно...

Я вспомнил разбудивший меня с утра шум — это назойливое хлопанье дверями, топот и бормотания. Вспомнил слова старика соседа...

Всё к тому и шло.

— Они за тобой приезжали, да? — спросил я.

— Ага. Дед меня обнаружил. Наверное, соскучился по нашим беседам...

— И что случилось?

— Передоз. Я умер, так и не вернувшись из прихода, — просто сказал Сёмка и, предвидя мой следующий вопрос, добавил: — Остался, чтоб с тобой попрощаться. Всё ж ты, Жека, мой лучший и единственный друг. Пускай в последнее время мы и нечасто общались... Но то моя вина, знаю. Сожрала меня эта дрянь, сожрала...

— Сёмка...

Какое-то время мы молчали.

— И куда ты теперь? — не выдержал я.

Сёмка мягко улыбнулся:

— Куда захочу. Отправлюсь в путешествие, о котором всегда мечтал. Посмотрю на всё, что пропустил. И на Восток посмотрю, и на Запад. На моря и на океаны, на деревушки и на мегаполисы. Так что, Жека, скучать мне не придётся.

— Точно... Не придётся... — вздохнул я. — Жаль, что все так получилось, Сёмыч.

— Да перестань! Что было, то было. Гляди веселей!

Он обернулся и посмотрел на посветлевший горизонт.

— Однажды мы встретимся там.

— Конечно, Сёмка, — сказал я, стирая с лица капли дождя, перемешанные с робкими горячими слезами. — Конечно, встретимся. Когда-нибудь. А пока что мне остаётся лишь носить тебе на могилу яблоки.

— Я люблю яблоки, — улыбнулся Сёмка. — А теперь бывай, Жека. Пойду я уже. Пора.

— Бывай, дружище, — кивнул я.

И Сёмка ушел, растворившись в пелене дождя.

Мне же вновь жутко захотелось выпить. Тогда, взглянув на затянутое тучами небо, обрушивающее на меня потоки воды, вспомнил слова старушки. Я прошептал никому и всем сразу:

— I do not stand at your grave and cry, cause you not there. You did not die...

* * *

Вика пришла ближе к вечеру, села за стол и долгим пронзительным взглядом посмотрела на меня. Молча я протянул ей полученные от Сашки деньги, на что она лишь покачала головой.

— Сегодня я как друг, — сказала Вика.

Я кивнул, убрал деньги.

— Выпьешь?

— Нет, спасибо.

Вика вытащила из пачки сигарету, закурила. Всё это время я наблюдал за ней, с трудом сдерживая злобное желание сорваться и выложить ей всю правду о её погибшем сыне и о том, что в смерти этой она почему-то винит себя. Именно поэтому она стала тем, кем стала, следуя некоему безумному культу самоистязания, который посчитала расплатой за грехи молодости. Мне хотелось рассказать всё, чтобы она поверила, чтобы поняла, как же сложно с этим жить!

Вместо этого я плеснул в стакан водки.
 – Что случилось? – тихо спросила Вика.
 – Знаешь... сегодня умер великий человек,
 – сказал я. – Настоящий волшебник, кото-
 рый... ну, был способен наполнить этот мир
 красками... Лучший писатель, кого я ког-
 да-либо читал... Писатель, которому верил и
 чьё отношение к жизни пытался сделать сво-
 им отношением...

– Понятно, – равнодушно протянула она.
 Я в ответ зачем-то ткнул в её сторону указа-
 тельным пальцем.

– А ещё сегодня умер мой единственный
 друг.

В этот раз Вика ничего не сказала.

Я громко выдохнул и залпом осушил ста-
 кан. Поёжился от обжогшей горло жидкости,
 после чего схватил сигарету и долго щёлкал
 зажигалкой.

За окном по-прежнему лил дождь. В подъез-
 де было тихо. Кошка мирно спала, свернув-
 шись мохнатым клубком на диване.

– Жень... – растерянно позвала Вика.

Не обращая на неё никакого внимания, я
 произнёс:

– Каждый из них был ярче тысячи лун! – и
 разрыдался.

Примечание

*Do not stand at my grave and weep
 I am not there. I do not sleep.
 I am a thousand winds that blow.
 I am the diamond glints on snow.
 I am the sunlight on ripened grain.
 I am the gentle autumn rain.*

<...>

*Do not stand at my grave and cry;
 I am not there. I did not die.*

(1932)

Строки из стихотворения американки Мэри
 Элизабет Фрай (1905–2004).

Подстрочный перевод

*Не стой над моей могилой и не плачь.
 Меня там нет. Я не сплю.
 Я – тысяча ветров, которые дуют.
 Я – бриллиантовые блики на снегу.
 Я – солнечный свет на созревшем зерне.
 Я – нежный осенний дождь.*

<...>

*Не стой у моей могилы и не плачь;
 Меня там нет. Я не умер.*

Евгений ДОЛМАТОВИЧ

*родился в 1986 году в Ярославле,
 но большую часть детства провел на Дальнем Востоке.*

*В 2008 году окончил Ярославскую военную
 финансово-экономическую академию.*

Пишет прозу.

Автор сборника рассказов «Калейдоскоп» (2016).

*Публиковался в журналах «Север», «Парус»,
 «Уральский следопыт», «Ното Legens», «Урал»
 и др., в сборниках, на интернет-ресурсах.*

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза».

Живёт и работает в Ярославле.

